

В. В. БАКАТИН

Дорога в прошедшем времени

<Фрагменты>

После отставки, с декабря 1990 года, большую часть времени я уже не был активным участником событий, которые все более и более выходили из-под контроля властей. Итоги 1990 года впервые после начала перестройки принесли снижение производства и национального дохода. Разбалансированность экономики и ущербность социалистического рынка были налицо. Страна вступала в новый год без утвержденного бюджета. Заключенные договоры грозили остановкой промышленности. Перспективы на селе были еще более туманны. Неуправляемость нарастала по мере того, как республики демонстрировали свою суверенность, стремясь то ли спастись в одиночку, то ли что-то доказать теряющему власть Кремлю.

После 17 ноября 1990 года маятник пошел в сторону «закручивания гаек». Началась демонстрация поворота к «сильной руке». Политическая борьба вступила в новый этап. Мне не было там места... Михаила Сергеевича Горбачева я действительно всегда поддерживал. И виноват в том, что считал важным поддерживать даже тогда, когда наши взгляды на проблему в чем-то расходились... Я был убежден, что Горбачев искренне и глубоко понимает необходимость и неизбежность коренного преобразования страны, ее экономики, политической системы. Мне нравилась его внутренняя демократичность, мягкость, человечность. В то же время в это трудно поверить, но самый большой реформатор нашего века страдал своеобразным догматизмом. Слепая, какая-то фатальная приверженность «социалистическому выбору» очень ему мешала. И ее давно, по крайней мере, значительно раньше, чем он впоследствии это сделал, следовало бы теоретически примирить и совместить с полноценной нормальной рыночной экономикой, допускающей частную собственность на средства производства,

а значит, и... «эксплуатацию». Я не понимал демократии без рынка, рынка — без частной собственности, частной собственности — «без эксплуатации» и в этом был ближе к «демократам», чем генсек. За что и критиковали меня товарищи по партии. Объясниться с Горбачевым было довольно трудно. По-видимому, он не хотел этого и шутливо уходил от разговора: «Да знаю я твои заблуждения...». Тем не менее сомнения у меня были, и я для успокоения души как-то написал жалобное письмо, выдержку из которого привожу здесь:

...Я не скрываю своих взглядов, и тем более я не намерен скрывать их от Вас. Вместе с тем в последнее время я ощущаю какое-то расхождение между своим пониманием отдельных сторон политики, стратегии и тактики перестройки и «официальным» курсом.

...Я должен коротко изложить свою позицию.

1. В экономике я за постепенный, взвешенный, дозированный переход от централизованного планирования к регулируемому рынку. За смешанную экономику. За допущение (под контролем) частной собственности. А значит — и эксплуатации.

2. В отношениях с республиками. Перестать их уговаривать, а тем более держать насильно. В основе может быть только взаимная заинтересованность. Не важно, как назвать: «федерация» или «конфедерация». Существо Союза в содержании обновленного Союзного договора.

3. Я за создание Российской компартии. И лучше союз самостоятельных компартий, чем раскол КПСС по платформам.

4. Меня беспокоит все более и более проявляющаяся позиция части политического руководства страны. Призывы к решительному применению силы. Суть этой позиции в заблуждении, когда трудности КПСС в борьбе с политическими противниками пытаются переложить на правоохранительные органы. На деле это приводит к столкновению правоохранительной системы с массами...

Несколько позже при очередной встрече он сказал мне: «Давай работай, я знаю твои убеждения!»

Обвинения М. С. Горбачева чуть ли не в организации карабахской, тбилисской, бакинской трагедий — полнейшая чушь шизофренических «писателей». Если его и можно в чем-то упрекнуть, если за это можно упрекать, так это в патологической осторожности при применении силы. Горбачев здесь абсолютный антипод Ельцину. Последний вначале бил, а потом думал. Очевидно, что применение административных и «силовых» мер, если они не выходят за рамки закона, и необходимо, и допустимо, но окажется вредным и бесполезным, если эти меры не будут способствовать

углублению демократических преобразований экономики и Союза. Что и произошло в конце 1990 — начале 1991 года, когда президент дрогнул.

Вильнюсская кровавая авантюра и беззаконие милиции в Риге конечно же не работали на укрепление дружбы народов. Политики, которые на это пошли, думали, что Союз и «дружбу» они, как прежде, будут держать силой. Жаль, что они не понимали, что именно этим они Союз разваливали окончательно. После отставки я продолжал находиться в кругу высших государственных чиновников. Получил в Кремле огромный кабинет. Был небольшой аппарат. Готовили проекты документов, чтобы могла реализоваться неожиданно воспринятая М. С. Горбачевым идея Совета безопасности. Но я чувствовал, что Горбачев изменил ко мне отношение, что меня все более и более отстраняют от дел. На совещании, как это было раньше, к себе не приглашал. Информацию скрывали. Попасть к нему на прием стало непросто.

Мы с Е. М. Примаковым главным образом по собственной инициативе занимались массой самых различных вопросов, докладывая свои предложения президенту. Продуктивность работы была весьма низкой. Не думаю, что более эффективными были и решения «президентской кухни», которая варилась втайне от нас и от А. Н. Яковлева. В то время он находился в опале. Наши кабинеты были рядом, и мы часто советовались с ним по многим вопросам. Но о подготовке вильнюсской авантюры никто из нас не знал.

Поздним вечером 13 января позвонил мне на квартиру министр внутренних дел Литвы Мисюконис. То, что он рассказал, было для меня полной неожиданностью. Мисюконис сообщал, что не может дозвониться до руководства МВД, чтобы попытаться остановить побоище, которое идет в Вильнюсе. Армия с применением танков и спецназ, прибывший из Москвы, штурмуют телецентр, на защиту которого вышли толпы жителей города. Есть жертвы. Погибло более десяти человек. Действует какой-то Комитет национального спасения во главе с руководством компартии Литвы. Чувствовалось, что этот мужественный человек на этот раз был в полной растерянности. В еще большей растерянности оказался я. Надо было что-то делать. Но что? Я пообещал ему немедленно доложить о случившемся Горбачеву, который, надеюсь, даст команду на прекращение беззакония.

Тотчас же позвонил Михаилу Сергеевичу. Он был на даче. Информация его не удивила. Как он сказал, Крючков уже докладывал. Я сильно преувеличиваю и зря нервничаю. Погибло где-то один-два человека. Самоуправство военных прекращено.

Я возмущался, кричал, что ручаюсь за точность информации, давно знаю Мисюкониса, врать он не будет. Ничего не прекращено. И дело не в спорах о числе погибших, а в том, что творится беззаконие, в котором опять участвует армия и гибнут люди. Горбачев сказал, что он возмущен не меньше меня: «Завтра разберемся».

С утра мы с Е. М. Примаковым и А. Н. Яковлевым были у него в приемной. По телевидению шла трансляция заседания Верховного Совета. Депутаты кипели от негодования. Требовали Горбачева. Не знаю, чем таким важным он занимался, но из кабинета не вышел. Нас принял где-то через час. Мы, перебивая друг друга, прямо от двери, даже не садясь, стали убеждать его в том, чтобы он немедленно выступил и отмежевался от авантюры, которую организовали в Литве коммунисты, немедленно поручил расследовать беззаконие и виновных предать суду.

Горбачев не был похож на себя. Вроде бы и возмущался вместе с нами, но чувствовалось, что у него на этот счет свое мнение. Он не мог «отмежеваться», ибо, конечно, не мог не знать того, что замышлялось в Литве КГБ и армией. Выступил он с оценкой вильнюсских событий по телевидению только через неделю. Оценки были весьма расплывчаты. Политика «сильной руки» начала давать сбои, продемонстрировав бездарность организаторов. Ночью танками захватить телецентр. Неужели других вариантов не было? Без танков? Как покажет позже путч, у этих «спасителей отечества» танк был самой любимой игрушкой.

Столь же неожиданной для меня была и февральская глупость, организованная МВД по указанию Горбачева. Ко дню открытия российского съезда наводнили Москву войсками. Слава богу, танки не введи. Что хотели продемонстрировать? Кого хотели напугать? Ясно показали, что сами боятся, что аргументы реформаторской власти оказались исчерпаны.

Короче говоря, М. С. Горбачев сам, поворотом к политике «сильной руки», на что он абсолютно не способен по своему характеру и которая, как и следовало ожидать, провалилась после появления первых жертв, сам организовал начало конца перестройки. Ибо перестройка — это демократия и закон, но никак не спецназ и не тайные операции...

В те летние вечера, когда в кремлевских стенах я пытался пообщаться с «духами» народных комиссаров, советская власть еще продолжалась, доживая последние дни... И уж что-то, а ее близкий конец всем нам, из команды Горбачева, следовало бы предвидеть... Об этом говорили, но в это никто всерьез не верил. Оптимизм обволакивал мозги. Все должно быть хорошо... Помню, в 1990 году отдыхал я в партийном санатории в Форосе. Как

оказалось, последний раз. Прекрасный был август. До путча, о котором никто не думал, оставался год. Собралась приличная компания. Нишанов, Каримов, Примаков, Шенин, Пуго. Солнце, море. Я с сыном изнурял себя игрой в теннис, не предполагая, что скоро позировать с ракеткой перед телекамерой станет модным. Между пляжем и кортом наше время съездить с министром внутренних дел Украины В. Василишиным в Симферополь. Встретились с постоянно митингующими крымскими татарами, а также с их гораздо более агрессивными русскими оппонентами... Но речь о другом. Как-то после раскаленного крымского дня, вечером заглянули к нам в кондиционированную прохладу Каримовы. Ислам Абдуганиевич с супругой и красавицами дочерьми. Он в шлепанцах на босу ногу, в руках огромная излучающая медовый аромат дыня...

О многом говорили мы за столом. Год был девяностый. В союзных республиках к власти пришли новые люди. Новые мысли роились вокруг глыбы распадающегося ортодоксального ленинизма. И. А. Каримов, на мой взгляд, и тогда выделялся высоким уровнем интеллекта, прекрасным уровнем финансов и экономики. Проще сказать, умный он мужик. Знакомы мы были с 1984 года. Я его уважал. Почему и запомнился наш разговор. На мои разглагольствования о важности сохранения Союза, центра он резко, без обиняков сказал: «Знаешь, что. Захотим — и не будет никакого центра. Пятнадцать плюс ноль. Вот и вся ваша горбачевская “схема”. Уважать надо республики. Уважать людей...». Жены затихли, а дети уж давно ушли. Шел август 1990 года. Начинался последний год Союза. Зарождалась схема: «Пятнадцать плюс ноль».

«Брось ты, — сказал я. — Надо уважать. Никто не спорит. Но не может быть такой самоубийственной схемы. Сдохнете, передеретесь. Вавилонское столпотворение раем покажется. Давай выпьем за Союз». Выпили. Успокаивающе, размеренно шумел прибор. Как всегда. Так было в 1917 году, в 1922-м. Так будет в 1991-м. Море вечно, как и человеческая глупость.

В августе 1991 года М. С. Горбачев со спокойной совестью, как и подобает президенту-генсеку, отбыл на крымские берега в отпуск. Он имел на это право. Огромная работа по подготовке Союзного договора подходила к завершению. Она требовала от президента больших нервных перегрузок, терпения, дипломатического таланта и юридической изощренности. Практически все республики, и, как это ни нелепо звучит, прежде всего Россия, выступали против. Потом, после уговоров, согласований, компромиссов, соглашались, визировали, парафировали... Проходило какое-то время, и все начиналось сначала. М. С. Горбачев

демонстрировал нечеловеческое терпение. 15 августа 1991 года очередной, согласованный с республиками проект Договора о Союзе суверенных государств был опубликован. На 20 августа было намечено начало его подписания. Конечно, все было далеко не просто и не безоблачно. Соппротивление подписанию нарастало. И опять впереди были российские демократы: Ю. Афанасьев, Е. Боннэр, Л. Баткин, С. Филатов, Координационный совет движения «Демократическая Россия». Настаивали на отсрочке, призывали не торопиться. Почему же — не торопиться? Ведь мы и так уже опоздали, не заметили, как подошли к черте, за которой — только развал... Как бы кто-то ни старался забыть, но 12 июня 1990 года I съезд народных депутатов РСФСР (абсолютно коммунистический съезд) принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР¹ 20 июня то же проделал Узбекистан, 23 июня — Молдова, 16 июля — Украина, и пошло-поехало... Коммунисты, члены единой партии КПСС, с тупостью, достойной лучшего применения, отстаивавшие это единство, в каком-то затмении восторга стали разрушать свое государство — СССР. Союзное руководство оказалось недалёковидным, безвольным, неспособным предотвратить этот «парад суверенитетов», вылившийся в «войну законов». Но надо было, лучше поздно, чем никогда, исправлять положение. Подписание нового договора, намеченное на 20 августа, с точки зрения чистого права не было безупречным... Однако торжественная, расписанная Г. И. Ревенко поминутно церемония подписания в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца не состоялась. Нежелание демократов подписать договор нашло энергичную поддержку у советского коммунистического руководства. Для них договор был излишне либеральным, для демократов — слишком центристским. Две крайности столкнулись и не оставили никаких шансов сохранению Союза. Невольно на ум приходит не столь уж нелепое предположение, что коммунисты-ортодоксы и радикальные российские демократы, по сути своей непримиримые противники, играли каждый свою игру, но в тот же момент имели общую цель: убрать Горбачева. То, что это произойдет ценой окончательного распада Союза, в расчет не принималось. Если они и не сговорились (хотя на каких-то уровнях наверняка это было), то были явно полезны друг другу. Тем не менее это факт. За сутки до подписания договора, утром 19 августа, группа высших руководителей государства объявила, что власть в стране берет Государственный комитет по чрезвычайному положению СССР (ГКЧП СССР), «в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа вводится чрезвычайное положение».

Первоначально эта безусловная глупость вместе с введением в Москву под аккомпанемент «Лебединого озера» производила суровое впечатление. Не скрою, я был в растерянности и даже слегка испугался. Но оказалось, достаточно одного дня наблюдений за действиями путчистов, так и «не сумевших», а если назвать вещи своими именами, не захотевших арестовать Ельцина и его окружение, чтобы прийти в себя и понять, что организаторский талант этих «революционеров» едва ли потянет на большее, чем писание абсолютно невыполнимых «постановлений» в типичном совминовском духе... Стало ясно, что этот путч, крайне глупый и вредный по самому своему замыслу, еще и не в состоянии хоть в какой-либо степени исполняться. Впрочем, на третий день он, как по команде, бесславно завершился...

Это были дни, беспрецедентные по драматизму. 1 сентября, в воскресенье, М. С. Горбачев собрал первый раз группу людей, которая позже будет названа Политсоветом. В Кремле, в Ореховой комнате, рассаживались вокруг овального стола: Г. Попов, Ю. Рыжов, А. Собчак, А. Яковлев, Е. Яковлев, Г. Шахназаров, Г. Ревенко, И. Лаптев. Речь шла о предстоящем съезде народных депутатов. Я был поражен общей беспомощностью. И своей, конечно, тоже. Позиция каждого, кто считал нужным ее выразить, была ясна, но механизмов реализации предложений не было. Не было достоверной информации и прогноза. Вопросы повисали в воздухе. Соберутся депутаты или нет? Кого не будет? Сорвут съезд? Потребуют отставки президента? Самому подать в отставку? Кому вести съезд? Какой доклад? Чей? Какова позиция России? Плохо, что опять «их» здесь нет. Какие документы можно предложить съезду?

Наиболее уверенно чувствовали себя Г. Попов и А. Собчак. Они были и «здесь» и «там». Ситуация исключительная. Прежний Союз разваливается. Страна в хаосе. Съезд начать совместным заявлением руководителей республик. Призвать к заключению нового Союзного договора и немедленно подписать краткое соглашение об экономических отношениях. Создать временные союзные структуры. Определиться по выборам и готовить новую Конституцию. Немедленно заключить соглашение о коллективной безопасности, единстве Вооруженных сил. Подтвердить соблюдение всех международных обязательств.

На этом и разошлись. Михаил Сергеевич попросил каждого передать ему, если возникнут, соображения к съезду... Но было ясно, что времени уже нет.

Съезд начался с «Заявления», с которым выступил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Прошел съезд очень драма-

тично, но, в конце концов, как мне тогда представлялось, принял единственно возможные решения. Я был полностью с ними согласен. Начался «переходный период». Подавляющему большинству людей трудно было представить, к чему он ведет и чем закончится. Тем более решения съезда стали нарушаться сразу же, как только депутаты разъехались по стране. Новая российская элита играла свою игру. Надежды, порожденные провалом путча, победой демократии, съездом, завершившимся на удивление конструктивно, стали таять, осыпаться вместе с осенними листьями этой красивой, затянувшейся осени, последней осени Союза ССР... 6 сентября было первое заседание Госсовета. Присутствовали руководители всех республик. Был даже представитель Грузии, который после того как выяснил, что никто не намерен рассматривать вопрос о признании независимости его страны, покинул собрание. Очень долго и сумбурно дебатировались проблемы внешней задолженности. Никто никого не слушал. Горбачев блистал глубиной знания проблемы и был бесспорным лидером. Он подавлял всех эрудицией и энергией и, казалось, был доволен собой. Это было плохо. Возникавшие противоречия и споры между руководителями республик не получали разрешения. Президент Союза оставлял последнее слово за собой. На слабые возражения всегда был испытанный прием: «Хорошо, давайте будем считать, что в принципе договорились, а детали доработаем в рабочем порядке...». Положение наше было плачевным... Все это была игра. Каждый начинал озвучивать свою роль в общем спектакле развала страны, и о какой верности слову здесь могла идти речь?

В сентябре борьба с «тенью», с практически исчезнувшим, ослабленным центром, которая велась лидерами республик уже по инерции, бездумно, была бы смешна, если бы не приводила к углублению общего кризиса. Центр (Горбачев и его окружение) не понимал, что он уже не власть. Лидеры республик, ставшие благодаря путчистам властью, продолжали видеть ее в Горбачеве, ломились в открытые двери. Еще один шаг, предоставленный историей для спасения Союза, не использовался должным образом. Дело не двигалось с места, тонуло в разговорах. Б. Н. Ельцин решил не отставать от М. С. Горбачева и вскоре уехал в отпуск. М. С. Горбачев уже не обладал реальной властью. Центральные исполнительные структуры во главе с Силаевым находились в ложном положении: «царствуют, но не правят». Все вопросы так или иначе для верности надо было согласовывать с Ельциным. Прошел месяц после путча. Ситуация все более и более вызвала беспокойство... Между тем октябрь и ноябрь были для Горбачева, для центра месяцами возобновившейся активности ради восста-

новления договорного, так называемого Ново-Огаревского процесса... Главным оставался вопрос Союзного договора и соглашений между республиками. 1 октября Горбачев разослал всем членам Политического консультативного совета проект Союзного договора, «доработанный с учетом замечаний Б. Н. Ельцина и с ним согласованный». Над этим текстом и работали. Благодаря невероятному терпению, гибкости и способности убеждать, которые проявили Г. Явлинский и М. Горбачев, благодаря согласию Б. Ельцина и Н. Назарбаева, 18 октября республики подписали экономическое соглашение. Казалось бы, разум восторжествовал... Работа по согласованию нового текста Союзного договора шла достаточно успешно. И некоторые лидеры республик, в частности, Назарбаев, шли в вопросе о сохранении общих координационных и управленческих структур даже дальше самого Горбачева... В ноябре все по-прежнему исходило из того, что у Союза или Содружества были шансы на выживание. Идея сохранения межреспубликанского единства в какой-то форме не вызвала открытых возражений у лидеров республик, продолжала пользоваться широкой общественной поддержкой.

27 ноября, менее чем за десять дней до исчезновения СССР, были опубликованы результаты опроса, проведенные фондом социально-политических исследований. Они показали, что по сравнению с 17 марта, когда 73 процента граждан на референдуме проголосовали за сохранение Союза, настроения избирателей не изменились. По данным опроса, в городах РСФСР, Казахстана и Украины за Союз высказались 75 процентов ответивших. В Москве число его сторонников возросло с 50 до 81 процента, в Киеве — с 45 до 60 процентов. 11 ноября на заседании Госсовета М. С. Горбачев выступил перед президентами с короткой речью, в которой сквозила боль. Его трудно было узнать. Вдруг он заговорил о том, что мы теряем время, являемся заложниками конъюнктурных политических страстей. Мы должны ответить людям, снять их тревогу и беспокойство. Кое-кто хочет столкнуть центр и республики, уничтожить центр, уничтожить Союз. Он заявил, что не держится за свое место и готов уйти. Но пришло время занимать позицию. Предложил не разъезжаться, пока не договоримся.

14 ноября в Ново-Огареве участники заседания Госсовета СССР в принципе согласовали текст Договора о Союзе Суверенных Государств. В нем предусматривалось конфедеративное устройство Союза, всенародное избрание президента ССГ, принцип двойного суверенитета — и Союза, и образующих его республик — при наделении республик статусом полноправных субъектов междуна-

родного права, сохранение союзного правительства и единства Вооруженных сил. Предполагалось, что текст договора в сочетании с принятой на сентябрьском съезде народных депутатов Декларацией прав человека станут достаточной заменой Конституции СССР, надобность в которой таким образом отпадает. Теперь предстояла окончательная редакция документа, его обсуждение в парламентах республик и еще одно рассмотрение Госсоветом.

Мне довелось присутствовать на этом Ново-Огаревском заседании, которое состоялось 25 ноября.

К двенадцати часам собрались в старинном особняке, расположенном в величественном подмосковном парке. Было ожидание чего-то значительного. Много журналистов, с которыми, правда, обращались, на мой взгляд, не очень цивилизованно — гоняли с места на место.

Горбачев сразу предложил простую схему — идти по тексту. Ельцин, который сидел рядом с ним, подал короткую реплику, что, мол, к сожалению, в тексте появились какие-то новые формулировки, о которых не договаривались. Горбачев мягко на это среагировал: «Ну, ничего... Дойдем до них — обсудим. Итак — ССГ. Ни у кого не возникает?..» «Возникло» у кого-то: СЕАР (Союз Евроазиатских Республик), но — отвергли.

Ельцин снова настаивает на том, чтобы вернуться к началу обсуждения. Он говорит, что речь должна идти не о конфедеративном демократическом государстве, а о конфедерации демократических государств. Горбачев: «Не вижу смысла...» Борис Николаевич говорит, что тогда он при парафировании приложит протокольное заявление.

Михаил Сергеевич: «... это — бессмыслица». Ельцин не соглашается с такой оценкой и говорит, что Верховный Совет России не утвердит договор. Горбачев говорит, что «утвердит», и начинает вспоминать, как он был в Иркутске и как народ за Союз...

А я вспомнил другое. Как еще совсем недавно все хотели подписать новый Союзный договор на конфедеративной основе, а Горбачев вместе с Лукьяновым сопротивлялся этому: «Ни в коем случае. Только — федерация! Мы еще не жили в федерации... Поживем, а там видно будет...». Но так и не пожили... Теперь уже и конфедеративное государство не устраивает тех же, но очень изменившихся лидеров, как правило, бывших членов Политбюро ЦК КПСС.

На этом историческом заседании М. С. Горбачев еще раз попытался сохранить шаткую конструкцию единого государства, которую, казалось, ему удалось скроить на обломках партийно-государственного тоталитаризма. Однако Госсовет так и не парафи-

ровал Союзный договор. Вместо этого он был направлен Верховным Советам государств, выразивших желание образовать новый Союз, которым предстояло обсудить его и вынести решение — одобрить или отклонить. Открытый для «творческого усовершенствования» проект отправлялся в непредсказуемое парламентское плавание, откуда он мог уже не вернуться... И — не вернулся...

Договоренности, спонтанно родившиеся в глуши Беловежской Пущи, положили конец мучительным попыткам сохранить единое государство. Объективные и субъективные процессы, связанные с обретением республиками независимости, далеко обогнали Ново-Огаревский процесс. М. С. Горбачев слишком долго боролся за федерацию и опоздал в очередной раз. В воскресенье, 8 декабря, вечером он был взволнован, брошен всеми и, как мне показалось, растерян... Он позвонил мне домой где-то около 20 часов.

— Они ищут Назарбаева. Из Минска, — сказал Михаил Сергеевич.

— Нет, — заметил я, — Назарбаев не полетит, не тот он человек...

— Да, конечно...

Что еще можно было сказать, а тем более — сделать?

Но президент СССР в этих безнадежных условиях принял решение бороться за Союз до конца. Когда мы утром собрались у него, он сказал, что в отставку не уйдет, будет наблюдать за развитием событий и пытаться влиять на них. Особые надежды все возлагали на возможность перевести процедуру прекращения существования Союза ССР на конституционные рельсы. Коллективно помогли М. С. Горбачеву подготовить «Заявление президента СССР», отговорили его в тот день от выступления по телевидению. Е. Яковлев организовал прощальную видеозапись, и мы пошли по знакомым, полuosвященным, пустынным и длинным кремлевским коридорам. Вся наша суета оказалась ненужной. Завтра сюда придут другие люди. Хорошо бы, чтобы что-то стоящее — для людей, для страны — получилось у них...

Силы беспомощного, брошенного всеми центра и политически могущественных республик были слишком неравны. Три славянские республики считали себя вправе самостоятельно, без учета мнения центральных органов власти и других республик, вопреки воле собственных народов, распустить Союз, у истоков создания которого они стояли в 1922 году... Трудно описывать свои ощущения тех дней, и не только потому, что трудно отрешиться от «вируса современности». Трудно потому, что до сих пор чувствую, что произошла невосполнимая потеря. Исчезло государство, в котором прожил всю жизнь. Оно было обречено на реформу,

но переходить за грань его уничтожения было нельзя. Однако истории и недальновидным политикам суждено было распорядиться по-иному... Драматизм ситуации был в том, что огромное число граждан — за сохранение Союза, но их желание перекрыто общим синдромом «независимости», прошлым негативным опытом и надеждой на авось, мол, хуже, чем было и есть, уже не будет. Какова в этих условиях могла быть позиция центральных союзных структур? Ее практически не было, так как центра уже не было. Чтобы избежать бессмысленной слабой попытки насилия, которую в то время никто бы не поддержал, у союзной власти не оставалось другого пути, кроме как согласиться с решением трех республик. В этом случае исключалась возможность кровопролития, а значит, быстрее смогли бы возобновиться объективно неизбежные интеграционные процессы. 25 декабря 1991 года, в 19 часов, президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев заявил о своей отставке... 25 декабря в 19 часов 38 минут над Кремлем был спущен красный флаг Союза ССР. Тогда казалось, что это еще не конец, что, возможно, это — начало чего-то принципиально нового. Содружества народов и правительств свободных, развивающихся, процветающих демократических государств... Но это был конец.

